

Е. А. Макаренко

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА МЕМУАРНЫЙ ИСТОЧНИК С ПОСТАНОВКОЙ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

На современном этапе развития исторической науки в условиях происходящей научной интеграции большое значение приобретает осмысление историографии самой истории, методов и методик исследования проблем практического и теоретического источниковедения. Интерес к ним вызван, в первую очередь, стремлением на новом этапе оценить достигнутое, определить задачи на будущее, указать пути взаимодействия с другими науками. Эта необходимость определяет подход к конкретным проблемам истории.

В отечественной историографии накоплен большой опыт и получены крупные научные результаты, которые еще долго будут служить прочным фундаментом для создания новых работ. Вместе с тем, очевидна необходимость критического осмысления этих результатов, выработки новых подходов. А это, в свою очередь, может быть достигнуто только за счет совершенствования методологии исследования, расширения источниковой базы, нового «прочтения» источников. Ибо изучение как исторических, так и историографических источников с применением инновационных методов только и дает возможность получения дополнительной, ранее «скрытой» информации.

Это легко продемонстрировать на примере возможной (предоставляемой современным историческим синтезом) обработки источников мемуарного характера. С тех пор, как П. П. Пекарский на страницах «Современника» предпринял первую попытку всестороннего подхода к анализу мемуарных источников, многие историки и лите-

ратуроведы следовали его советам, расширяя диапазон их применения. В результате изучению мемуаров была посвящена значительная литература.

Тем не менее, в довоенной историографии теоретические проблемы мемуароведения еще не стали предметом специального, систематического изучения. Настольной и единственной книгой, посвященной специфике мемуарной литературы как особого вида исторических источников, оставалась работа Н. Д. Чечулина, написанная еще в дореволюционное время¹.

Активное изучение мемуаров, причем с их использованием в конкретных исторических исследованиях, начинается с 50-х гг. XX в. В 1959 г. вышла книга М. Н. Черноморского — первое в послевоенной истории источниковедения специальное исследование мемуаристики, причем на примере воспоминаний советского периода². Хотя эта работа и носила преимущественно учебно-методический характер, в ней впервые были поставлены вопросы о месте, роли и значении этого вида исторических источников, о принципах их классификации и критике.

С тех пор к мемуарам обращались неоднократно. Ими богата историческая литература 50—60-х гг. XX в. Никто из историков не оспаривал ценности мемуаров как исторического источника. Всемерно подчеркивалась важность воспоминаний для более полного воссоздания исторической действительности, для «оживления» исторического описания. Однако этот комплекс источников использовался исследователями исключительно в качестве вспомогательного, иллюстративного материала, а не как самостоятельная источниковая единица и тем более средство познания других источников. Роль мемуаров сводилась преимущественно к выполнению трех функций: уточнение исторических фактов, привнесение в исторические труды необходимой «конкретики», придание исследованию эмоциональной окраски. Фактически игнорировалась способность мемуаров не только нести в себе «живую» информацию о фактах прошлого, но и поставлять историку «скрытое», «закодированное» средство познания того, что было, и того, что потом могло быть.

Следующий шаг был сделан в 70-х гг. XX ст. С. С. Дмитриевым, М. А. Варшавчиком и В. С. Голубцовым³. Мемуаристика была оценена как памятник общественно-политической мысли описываемой эпохи и эпохи их создания. В ней распознано наличие

двух рядов авторской субъективности: об описываемых событиях и об обстановке, когда описывались те или иные события. Признано, что это заметно расширило представление об информационных возможностях мемуаров, с одной стороны, и породило потребность в расшифровке «закодированной» в них информации о социальных условиях, повлиявших, в конечном счете, на оценку мемуаристом тех или иных описываемых событий и явлений, с другой.

Все это обусловило появление в современной историографии нового отношения к мемуарам, мемуарной литературе, мемуаристике в целом. Этот вид исторических источников стал рассматриваться как сложное проявление духовной жизни, для которого характерны многообразные связи и отношения. Он уже не может оцениваться вне того «лингвистического поворота» в исторической науке, который обусловлен обстановкой постмодернизма.

Методы герменевтики и современной лингвистики, наряду с методами семиотики, позволяют раскрыть целостность нарративного источника на его заданном срезе, определить специфику текста. Однако, если герменевтика детерминирует текст рамками научно-рационального толкования, то современная лингвистика стоит на позиции невозможности только формально-логического определения природы текста⁴. Последняя тем самым дополняет герменевтику иррациональным подходом в интерпретации текста, вытекающим из его характеристики как проявления социально-речевой деятельности. Возникает вопрос, как такой подход в совокупности накладывается на мемуарный источник. Но эта проблема требует специального рассмотрения.

¹ Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб., 1891.

² Черноморский М. Н. Мемуары как исторический источник. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1959.

³ Дмитриев С. С. Мемуары, дневники, частная переписка 1-й половины XIX в. / Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М., 1973. С. 393—414; Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973. С. 314—327; Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М., 1970. 143 с.; и др.

⁴ Сидорцов В. Н. Методология исторического исследования (механизм творчества историка). Мн.: БГУ, 2000. С. 137—145.